

Рассветный город, сбросив дневную суету и тревоги, обнажил свой изможденный, пустой скелет. Желтоватый свет уличных фонарей вытягивал длинные тени на безлюдных улицах, и лишь изредка мимо проезжало такси с сонными фарами. В воздухе еще стояла духота вчерашнего дня, но по сравнению с тем удушающим адом, что был в прошлой жизни, эта прохлада казалась даром небес.

Чэнь Синчжо, казалось, бежала на одной лишь мышечной памяти. Ее выносливость, закаленная тремя годами борьбы за выживание в прошлом, давно превосходила человеческие пределы. И хотя это молодое тело поначалу казалось неповоротливым, мощная воля гнала ноги вперед, заставляя их развивать невероятную скорость. Кроссовки с резким, монотонным стуком били по твердому тротуару, и этот звук казался пугающе четким в тишине наступающего рассвета.

Пот быстро пропитал челку и покатился по вискам. Легкие горели от бешеного темпа, и каждый вдох отдавался фантомной болью в том самом месте, где в прошлой жизни ее пронзила арматура. Но ей было все равно. Она даже намеренно подпитывала эту боль, чтобы помнить об аде, через который прошла, и о настоящем, которое обязана удержать.

Цель была одна: запад города, жилой комплекс Цзиньсю Хуаюань, седьмой корпус, второй подъезд, квартира 601. Там сейчас жила Чжоу Линьюэ. В прошлой жизни, спустя месяц после начала аномальной жары, именно в том доме, который уже почти захватили мародеры, она нашла Чжоу Линьюэ, отчаянно оборонявшую лестничную площадку с пожарным топором в руках.

Сколько еще до цели? Мозг Чэнь Синчжо работал на пределе, сопоставляя обрывки воспоминаний с размытыми очертаниями улиц. Не меньше тридцати километров! От этой мысли сердце сжалось, но шаг она не замедлила. Нельзя ждать автобус — слишком медленно, да и время нельзя тратить впустую! Ловить такси она тоже не хотела: мысли еще путались, и нужно было время, чтобы прийти в себя. К тому же, как объяснить, почему она в предрассветный час, словно сумасшедшая, несется через весь город, чтобы стучаться в дверь к бывшей однокласснице?

Бежать! Только бежать!

Время в этом изнурительном марафоне и тревожном ожидании то растягивалось, то сжималось. Глубокая синева неба постепенно светлела, сменяясь жемчужным оттенком, а затем окрашиваясь в нежно-оранжевый. Очертания города становились четче, спящий зверь начинал просыпаться. Ранние дворники принимались за работу, из закусовых потянуло первым дымком и запахом еды.

Чэнь Синчжо не замечала ничего вокруг. Она была подобна неутомимому зверю, перед глазами которого была лишь одна цель. Спортивный костюм насквозь промок от пота и лип к телу, подчеркивая ее дрожащий от перенапряжения силуэт. Ноги налились свинцом, каждый шаг давался с невероятным трудом, а подошвы жгло — наверняка стерла ноги в кровь.

Горло пересохло, каждое глотание отдавалось привкусом крови. Она резко остановилась, уперлась руками в колени и тяжело задышала. Крупные капли пота падали на сухой асфальт, мгновенно оставляя темные пятна.

Нет... нельзя останавливаться... Линьюэ...

Она до крови прикусила кончик языка, и резкая боль немного прояснила затуманенный разум. Дрожащими руками она расстегнула рюкзак, достала остатки воды и сделала лишь крошечный глоток. Прохладная влага, коснувшись обожженного горла, принесла короткое облегчение. Она не решилась съесть даже кусочек печенья, приберегая крохи энергии для того, чтобы поддержать свое разваливающееся тело.

Когда она снова двинулась в путь, походка была уже нетвердой. Солнце полностью вышло из-за горизонта, золотисто-красный свет залил улицы, и температура начала неумолимо расти. Чэнь Синчжо чувствовала, что бежит внутри пароварки — воздух становился густым и душным.

Неизвестно, сколько времени прошло, когда сознание начало меркнуть от обезвоживания и усталости, но наконец перед глазами возник знакомый пейзаж — жилой комплекс из десятка многоэтажек с неплохим озеленением. Бежевые фасады казались обшарпанными на солнце, но в этот момент они означали безопасность, порядок и... Чжоу Линьюэ!

Цзиньсю Хуаюань!

Сердце будто ударило тяжелым молотом. В глазах Чэнь Синчжо вспыхнул пугающий огонь, и она, собрав последние силы, бросилась к седьмому корпусу. Мышцы ног стонали, легкие хрипели, как старые мехи, но она не обращала на это внимания. Влетела в подъезд и бросилась к лифту.

Индикатор показывал первый этаж. Она яростно давила на кнопку вызова, глядя, как цифры медленно меняются. Каждая секунда тянулась целую вечность.

Наконец лифт отозвался тихим звонком и медленно открылся. Чэнь Синчжо, словно черная молния, влетела внутрь и дрожащим пальцем нажала на цифру 6. Двери закрылись, кабина начала подъем. В узком пространстве эхом отдавалось лишь ее тяжелое, свистящее дыхание.

Шестой этаж. Двери вновь открылись.

Чэнь Синчжо почти вывалилась из лифта и, пошатываясь, рванула к двери квартиры 601. Эта темно-коричневая, массивная железная дверь сейчас стала последним барьером между ней и надеждой.

Без колебаний, без раздумий. Три года тоски, раскаяния, страха и уверенность, которую давало золото, спрятанное в пространстве, превратились в первобытную силу.

— БАХ! БАХ! БАХ!

Она изо всех сил ударила тяжелой ногой по стальной двери. Грохот, подобно грому, взорвал тишину лестничной клетки!

— Чжоу Линьюэ! Открой! Чжоу Линьюэ! — она сорвала голос, крик получился резким и хриплым, каждое слово вырывалось из глубины горла, словно кровавая пена.

Изнутри слышались быстрые, настороженные шаги.

Через несколько секунд глазок потемнел — человек внутри смотрел наружу.

Затем раздался щелчок, и деревянная дверь приоткрылась на узкую щелочку.

В проеме показалось лицо.

Лицо, которое Чэнь Синчжо видела в бесчисленных кошмарах и в ледяной воде перед самой смертью.

Белоснежная, нежная кожа с легким румянцем после сна, без тех следов измождения, что оставили голод и холод в прошлой жизни. Изящные черты лица, тонкие брови, прямой нос. Только красивые миндалевидные глаза сейчас были слегка прищурены, а под густыми ресницами читалось нескрываемое удивление, недоумение и толстый слой ледяного презрения и раздражения.

Это Чжоу Линьюэ! Живая, молодая, еще не познавшая ударов апокалипсиса Чжоу Линьюэ!

На ней была нежно-розовая шелковая ночная сорочка на бретелях, открывающая округлые плечи и изящные ключицы. Длинные темные волосы были растрепаны, несколько прядей прилипли к щеке. Одной рукой она держалась за дверную ручку, слегка подавшись вперед, и сквозь холодные прутья решетки хмуро разглядывала незваную гостью — растрепанную, пропахшую потом, с красными, как у безумца, глазами.

Взгляд был чужим и отчужденным, полным холодного анализа и гнева из-за того, что ей помешали спать.

Время словно застыло.

Тяжело вздымающаяся грудь Чэнь Синчжо замерла. Вся энергия, накопленная за тридцать километров бега, вся радость встречи и крики застряли в горле, замороженные этим ледяным взглядом. Она открыла рот, но оттуда вырвался лишь хрип, похожий на звук разбитых мехов. Она не могла произнести ни слова. Только глаза, воспаленные от перенапряжения, жадно,

почти маниакально впились в лицо за дверью, словно пытаясь выжечь каждое движение ее мимики в самой душе.

В прошлой жизни, когда Линьюэ бросилась к ней в объятия, от нее пахло кровью и потом, а глаза светились невероятным блеском — отчаянной радостью выжившей. А сейчас...

Чжоу Линьюэ нахмурилась еще сильнее, презрение в ее глазах, казалось, вот-вот выплеснется наружу. Она слегка вскинула подбородок, и ее голос, охрипший от сна, прозвучал холодно, как лезвие ножа, пронзая железную решетку и вонзаясь ледяными иглами в пылающее сердце Чэнь Синчжо:

— Чэнь Синчжо? Мы не общались пять лет после школы, ты чего с самого утра приперлась под мою дверь и ведешь себя как сумасшедшая?

Холодная решетка двери стала невидимой пропастью, разделившей два мира.

Внутри — Чжоу Линьюэ в шелковой сорочке, с растрепанными волосами, но все такой же изящная, с ледяной крошкой в глазах. Снаружи — Чэнь Синчжо, промокшая от пота, в облепившем дрожащее тело спортивном костюме, бледная, как призрак, и лишь глаза горят пугающим светом.

Воздух застыл. Запах антисептика в подъезде смешался с резким запахом пота Чэнь Синчжо, создавая удушливую, странную атмосферу.

Вопрос Чжоу Линьюэ о том, не сошла ли та с ума, вонзился в сердце Чэнь Синчжо, оставив невидимую кровавую дыру, в которую задувал холодный ветер. Она открыла рот, но горло словно сдавила невидимая рука, и в узком пространстве эхом отдавалось лишь рваное дыхание. Усталость от тридцатикилометрового марафона, головокружение от обезвоживания, фантомная боль в пронзенном арматурой сердце и удар от того, что самый близкий человек смотрит на нее как на чужака — все это накрыло ее, как цунами. В глазах потемнело, тело качнулось, и она с глухим звуком ударилась лбом о холодную решетку.

Холод металла немного привел ее в чувство.

Нет! Нельзя падать здесь! Линьюэ прямо перед ней! В этот раз она обязана ее удержать!

Инстинкт выживания и одержимость пересилили физические пределы. Чэнь Синчжо резко подняла голову, на лбу остался отчетливый красный след от прутьев. Она больше не пыталась объясняться — слова были слишком слабы и бесполезны. Все силы уходили на борьбу с обмороком. Одной рукой она вцепилась в решетку, чтобы устоять, а другой, дрожащей и почти грубой, полезла во внутренний карман спортивной куртки.

Ее движения были полны отчаянного безумия. Чжоу Линьюэ нахмурилась и невольно

отступила на полшага, сильнее сжав ручку двери — костяшки пальцев побелели. Что эта девица задумала? Грабеж? Но выглядит так, будто вот-вот упадет... Психическая?

Да и никто из общих знакомых не говорил, что Чэнь Синчжо сошла с ума...

В тот момент, когда Чжоу Линьюэ уже собралась захлопнуть дверь и вызвать полицию, Чэнь Синчжо наконец нащупала твердую пластиковую карточку. Из последних сил она вытащила ее из промокшего кармана.

Обычная темно-синяя банковская карта.

На ней виднелся логотип банка и номер, края от долгого использования потерлись и побелели. Самая обычная карта, какая есть у любого человека.

Пальцы Чэнь Синчжо дрожали так сильно, что она едва удерживала легкий пластик. Она впилась взглядом в настороженное, полное отвращения лицо за щелью двери и, собрав остатки воздуха в легких, с силой — почти швырнув — просунула карту в узкий зазор под дверь.

Карта с тихим щелчком упала к ногам Чжоу Линьюэ, обутым в пушистые розовые тапочки.

— Иди... иди со мной... — голос Чэнь Синчжо был неузнаваем, каждое слово звучало так, будто наждачная бумага трется о связки, с тяжелым привкусом крови, но в них сквозило отчаяние и непреклонная властность. — Пароль... мой день рождения... трать эти деньги... как хочешь! Покупай что угодно! Сейчас... немедленно... иди со мной!

Тело снова сильно качнулось, пальцы, вцепившиеся в решетку, побелели от напряжения. Глаза, залитые кровью, словно у умирающего зверя, были прикованы к Чжоу Линьюэ, передавая пугающее, не допускающее сомнений послание: это не шутка, не розыгрыш, это цель, ради которой она готова умереть!

Чжоу Линьюэ замерла.

Она опустила взгляд на обычную, припыленную банковскую карту у своих ног. Затем подняла глаза на изможденную фигуру за дверью, чьи глаза светились так ярко, будто она вот-вот сгорит дотла. Ощущение абсурда, словно ледяная морская вода, накрыло ее с головой.

Раннее утро, бывшая одноклассница, с которой не общались пять лет, вламывается в дверь как сумасшедшая, сует карту, говорит, что пароль — ее день рождения, трать сколько хочешь, и требует немедленно уйти с ней?

Этот сценарий был даже абсурднее, чем в дешевых мыльных операх!

— Чэнь Синчжо, — голос Чжоу Линьюэ стал холодным, как стекло, острым и резким, с нотками едкого сарказма и нескрываемого отчуждения. — Ты что, разыгрываешь драму? Или думаешь, что издеваться надо мной весело? Пять лет после школы, мы даже в соцсетях друг друга не лайкаем. Забирай свою карту и убирайся от моей двери! Иначе я вызову полицию!

На слове «полиция» она сделала особый акцент, угрожающе и прямо указывая на дверь.

Сказав это, она не дала Чэнь Синчжо шанса ответить. Даже не взглянув на карту, будто это был мусор, она сделала шаг назад и с грохотом захлопнула внутреннюю деревянную дверь! Затем последовал холодный, решительный щелчок замка.

Эти два звука ударили по сердцу Чэнь Синчжо, как два молота.

Последние силы, державшие ее на ногах, испарились вместе с этим щелчком.

Пальцы, сжимавшие решетку, бессильно разжались. Тело скользнуло по холодной металлической панели, и она тяжело осела на холодный бетонный пол. Спина ударилась о дверной косяк, но она не почувствовала боли. Огромная пустота и удушливое отчаяние, словно густой гудрон, мгновенно окутали ее.

Из-за двери донесся раздраженный голос Чжоу Линьюэ, которая демонстративно громко говорила по телефону:

— ...Алло, охрана? Тут у двери 601 какая-то неадекватная женщина, пристает ко мне! Пришлите кого-нибудь разобраться! ...Да, ведет себя очень агрессивно! ...

Каждое слово было как раскаленная игла, вонзающаяся в барабанные перепонки Чэнь Синчжо.

Прислонившись спиной к холодной двери, она сжалась в углу лестничной клетки, уткнулась лбом в колени, и плечи затряслись в беззвучных рыданиях. Пот, смешанный с горячими слезами, беззвучно падал на пыльный бетон, оставляя темные, полные отчаяния пятна.

Как же так...

<http://bllate.org/book/22447/2359189>